

Даррузе высказывает предположение, что наш Антиох находился в родстве с царствующим домом Комнинов⁶. Ход рассуждений исследователя таков: стихотворение Продрома, сохраненное в Венецианской рукописи (Magc., XI, 22), оплакивает некоего Антиоха, который умер, оставив сына Стефана и дочь, вышедшую замуж за Константия, сына севаста Исаака, принадлежащего к роду Комнинов. Константин же, согласно Даррузе, не кто иной, как Константин, третий сын севастократора Исаака, адресат Феофилакта Болгарского. А так как в неизданной печати XII в. упомянут Григорий, по материнской линии Антиох, то Даррузе допускает, что матерью оратора была дочь Стефана Антиоха и соответственно племянница Константина Комнина.

Легко видеть, что аргументация Даррузе строится на серии недостаточно строгих отождествлений. К тому же она приводит к трудно преодолимым противоречиям. Стихотворения из Magc., XI, 22 — независимо от того, будем ли мы считать их автором Продрома или Псевдо-Продрома, — относятся к середине XII в., т. е. ко времени, когда Григорий Антиох уже начал выступать с речами. Но у оплаканного «Продромом» Антиоха (предполагаемого прадеда оратора) еще не было не только правнуков, но и внуков — во всяком случае поэт молчит об этом. Стефан Антиох скорее сверстник, чем дед Григория, и его сестра вряд ли могла быть женой Константина Комнина, дуги болгарской фемы Веррия на рубеже XI—XII вв. К тому же ее супруг назван у «Продрома» Константином, а не Константином, его отец — севастом, а не севастократором. Титул севастократора принадлежал при Алексее I старшему брату императора, и, следовательно, Константин был племянником василевса — трудно думать, что о таком родстве Григорий ни разу не упомянул бы.

Он же, напротив, всячески подчеркивает скромность своего происхождения. Он называет себя бедняком, с детских лет испытавшим превратности судьбы⁷, простым обывателем, человеком низкого положения⁸. Он принадлежит к мелким торговцам (*μικροπρόροις*), плавающим по жизненному морю, а не к важным крупным купцам (*στρωνοί τε καί μεγαλέμποροι*) (л. 251). Обращаясь к Димитрию Торнику, он подчеркивал коренное различие между ними: Торника отличает высокое рождение (*γένεσις αἰθέριος*), и Григорий далек от него, как просяное зернышко от небесного свода (л. 396). Вряд ли подобные слова могли принадлежать близкому родственнику императорской фамилии.

Мы не знаем, находился ли Григорий в родстве со Стефаном Антиохом или с другим Антиохом, который был современником и личным врагом Феофилакта Болгарского⁹. Лишь из сочинений самого Григория мы можем извлечь кое-какие сведения о его родственниках.

Отец Антиоха был человеком состоятельным, коль скоро он смог получить запустевшую церковь, превращенную в склад ячменя и других припасов, и создать на ее месте женский монастырек, где обитало 12 монахинь. Он собирался также построить дома, на арендную плату с которых монахини могли бы существовать после его смерти¹⁰. Сестра отца была монахиней в каком-то монастыре, подчиненном хартофилаку: если верить Антиоху, старуха была ложно обвинена и подвергнута строгой эпи-

⁶ J. Darrouzès. Notices. . . , p. 76 sq.

⁷ M. Bachmann, F. Dölger. Op. cit., S. 385. 1—3; 386. 9.

⁸ W. Regel. Fontes. . . , f. 2, p. 187. 20—26.

⁹ См. о нем Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 137.

¹⁰ J. Darrouzès. Notice. . . , p. 87—89. Еще до Даррузе на этот текст обратил внимание Вирт, который, впрочем, считал ктитором Григория, а не его отца (P. Wirth. Miscellen zu den Patriarchaten von Konstantinopel und Jerusalem. JÖBG, 9, 1960, S. 47 f.).